

9. Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ). В сб.: Язык современной публицистики: сб. статей/ сост. Г.Я. Солганик. – М., 2005.

СЕНТЕНЦИЯ, МЕТАФОРА И НАРРАТИВ В ТРИЕДИНСТВЕ ЗАНИМАТЕЛЬНОСТИ ОЧЕРКОВОГО ТЕКСТА

*Харченко Вера Константиновна
Национальный исследовательский
университет «БелГУ»*

В статье рассматривается феномен занимательности в журналистских текстах, в пределах которого выделяются три компонента занимательности.

Ключевые слова: феномен занимательности, сентенция, метафора, нарратив.

The article discusses the phenomenon of amuzedness in journalistic texts, in terms of which three components of amuzedness are distinguished.

Keywords: phenomenon of amuzedness, sentence, metaphor, narrative.

В сегодняшнее время, характеризующееся интенсивным формированием теории журналистики в свете продолжающегося практического эффекта гласности и свободы слова, исследование занимательности отнюдь не включено в мейнстрим научно-исследовательских проектов. Не только начинающие, но даже опытные авторы скорее на ощупь находят эффектные темы, беспроигрышные приёмы, включают в повествование эпатажную лексику, песенные интертекстемы, придавая тексту занимательность, то есть удерживая как раз то, что удержать весьма и весьма сложно – внимание читателя, потребителя, адресата текста. В отношении тематики массмедийного текста свежие («последние») новости уже занимательны по определению. Новизна притягивает, и не случайно получает всё большее развитие такая область знания, как кайнрастия – изучение феномена новизны. Кроме свежих новостей, занимательными, то есть занимающими, поглощающими всё внимание, не могут не быть сенсации. «Всё внимание» потребителей массмедийного текста легко подчиняется также алармистским, запугивающим прогнозам или, скорее, запугивающим подтекстам информации о катастрофах, терактах, аномалиях, эпидемиях. Справедливо утверждать, что тематика массмедийных текстов сегодня во многом сама по себе уже обеспечивает требование занимательности изложения.

Сама по себе занимательность, воспринимаемая как самоцель, представляет собой тоже инструмент, инструмент воздействия журналистского текста. Престижно быть осведомлённым, быть в курсе происходящего, но, искренне сочувствуя пострадавшим, при новостной информации мы, однако, не рассматриваем своё поведение как объект коррекции. Другое дело «обычный» очерк, когда чья-либо судьба, чей-либо профессионализм, чьё-либо отношение к жизни может существенно повлиять ещё и на самоидентификацию адресата очеркового текста. В своей статье «Феномен интересного», опубликованной на страницах «Литературной газеты» в 1980 г., то есть тридцать лет назад, Юрий Андреев пишет: «Предлагаю возможным исходить из следующей общей предпосылки: интересное для меня есть новизна, обращённая ко мне». Мысль журналиста актуальна и на современном этапе развития массмедийных средств. Этика журнализма – это не только, может быть, и не столько боязнь задеть, оскорбить, сколько возможность на текстовом уровне находить и оформлять образцы поведения в самой сложной стихии – стихии повседневности. В 70–80-х годах такими журналистами были Геннадий Бочаров [Бочаров 1985], Евгений Богат [Богат 1981]. В свете сказанного практическая подготовка журналистов-профессионалов не может не включать работы по усилению занимательности не новостного, не сенсационного, а обычного, скажем, очеркового текста. Личный опыт написания очерковых текстов, на который мы также опираемся сейчас, исследуя феномен занимательности [Харченко 2003: 106–172], позволяет нам выделить три компонента занимательности создаваемого текста, которые вынесены в заголовок статьи.

Самый неудачный по обозначению – это первый компонент: «сентенция». Под термином «сентенция» мы будем понимать актуальную, свежую мысль, выраженную напрямую, вне метафорического ряда. Термин «сентенция» занят афористикой, входя в классификацию типов афоризмов. В очерковом тексте при формулировке сентенций движение мысли приближается к афористике: «Что такое неудачник? Подлинная неудача сопряжена, видимо, не с утратой чего-то, даже бесценного, а с несвершением. Мы не можем видеть неудачника ни в Данте, ни в Рембрандте, потерявших всё: дом, семью, социальное положение» (Е. Богат). «Может быть, ей не верилось, что она такой была. Нам сейчас не верится, что она могла быть иной» (Е. Богат).

Строго говоря, первый компонент занимательности очеркового текста представляет собой прямую, не иносказательную мысль, по «жанру» вбирающую в себя элементы и сентенции, и афоризма, и лозунга. «Вся власть Советам!», «Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны», «Пятилетку в четыре года!» – в своё время эти воззвания звучали свежо и эффектно, пока не стали

фактом истории (и нередко объектом оттачивания иронии). «Детей надо любить» – с этой, почти лозунговой фразы может начаться интересное повествование и о тех, кого любят, и о тех, кому недостаёт родительского или учительского тепла. Парадоксально, но в настоящее время наблюдается дефицит идей и соответственно дефицит лозунговой информации. При подготовке очерка такая несколько тривиальная мысль просто необходима. Можно было бы её назвать «мыслью» (не «сентенцией»), но тогда получается, что и второй, и третий компоненты механизма занимательности (метафора и нарратив) окажутся вне мысли, станут... «безмозглыми». Очерк может включать (чаще всего «абзацно начинаться») с банального лозунга: «Пьянство вредно», «Книги надо читать», «К старости надо готовиться заранее», «Будем уважать чужой труд» и т.п. – лишь бы далее следовал оригинальный материал в поддержку сказанному.

Второй компонент в механизме занимательности очеркового текста – метафора. Сжатая или развёрнутая, будто бы примелькавшаяся («стёртая») или оригинальная, метафора делает текст многослойным, объёмным, блистательным, то есть ярким. «Я всё болсе понимала: детский сад – это не учреждение, это сад...» (Е. Богат). «Женщина в погонах всегда завораживает, и не тем, конечно же, что умеет палить из пистолета Макарова, а тем, что легко несёт свою ношу, что преисполнена любви ко всему, за что непосредственно отвечает, завораживает она светом в глазах, знающим – не по детективам – самые тёмные углы жизни и парадоксально сохраняющим при этом и свет, и любовь» (Белгородская правда. – 2001. – 7 марта).

Третий компонент – нарратив, то есть повествовательность, рассказ. Очень важно, что в очерковом тексте нарратив настолько близок к повседневности, что становится незаметным. Из рассказа методиста: Собирали ночную группу в детском саду. Думали, не наберём. Так от родителей отбоя не было: хотят «сдать» ребёнка в понедельник, а получить в пятницу. Кандидат наук вспоминает, как с женой на руках переносили, спасали Ботанический сад в Кишинёве. Профессор-патологоанатом рассказывает о своём увлечении живописью и о написании трёх детективных романов и тут же – о необходимости восстанавливать механизм интуитивного контроля [Харченко 2003: 145, 154, 121]. Такие нарративы, точнее элементы нарратива, бывают исключительно интересными (занимательными) уже потому, что больший запас осмысливаемых, или хотя бы просто зафиксированных фактов необходим не только истории, о чём пишет академик Р.М. Фрумкина, но и современности с её «информационной насыщенностью». В этом плане уникальный, не побоимся этого слова – великий архив фактов, отобранных и запечатлённых в СМИ, требует изучения, систематизации и своего рода рекламы.

Писать очерки трудно. Но трудно не только потому, что создаётся законченный текст, жанрово близкий к рассказу, то есть к художественному дискурсу, текст, характеризующийся всеми признаками литературного слога, но главное, потому, что как отражение правды жизни и её позитива очерк требует солидного запаса тех самых компонентов, на которых и держится его занимательность. Это запас тривиальных истин (И.А. Бунин писал, что с возрастом всё больше ценил прелесть банальных истин!), и нетривиальных, свежих идей. Это запас образных ассоциаций. Наконец, это запас нарративов: небольших повествований, прошитых подчас весьма значимыми идеями. На таких мини-нарративах строится, например, очерк Т. Касаткиной о женском монастыре, где монахиням дают на воспитание девочек со страшными диагнозами и искалеченным младенчеством и детством [Касаткина 2008: 140-143]. Нарратив может стать моделью самокоррекции адресата текста. Это отчасти вызвано неостребованностью такого жанра, как притча. Притча о человеке, носившем воду через пустыню, чтобы полить воткнутую палку, а потом вдруг увидевшего на месте палки прекрасный сад, ценна тем, что напоминает: не каждый результат можно просчитать заранее, трудись, не печалься о результате: всё придёт в своё время.

Писать очерк трудно, потому что в момент написания очерка такой тройственный запас не создашь. Вот почему профессиональный журнализм нацеливает на накопление всего того, что, возможно, потребуется даже не завтра, а послезавтра, через неделю, через год в творческом процессе. Разумеется, «всё» записывать, собирать, перечитывать (для удовольствия и для запоминания!) невозможно. Было бы наивно и призывать к этому. Но как раз то малое, что записано, оно-то понадобится всенепременно. Ни одна деталь не пропадёт всуе, а любовь к объекту описания (*Без любви даже лопти не плетут*) поможет памяти и извлечь сентенцию ли, метафору, нарратив и позаботиться об их соединении, вазаимоиндукции во славу создаваемого вами текста.

Литература

1. Бочаров Геннадий. Человек – не остров // ЛГ. – 1985. – 14 авг.; Бочаров Геннадий. Поле жизни. – 1985. – 9 янв. И др.
2. Богат Евгений. Неинтересный человек. – ЛГ. – 1978. – № 2.; Богат Евгений. Опыт несвершения // ЛГ. – 1981. – 22 июля и др.
3. Касаткина Т. Колонка для живой воды. Монастырские впечатления живого человека: попытка понимания // Новый мир. – 2008. – № 2. – С. 136-144.
4. Харченко В.К. «Стихи о том, что старость – форма счастья...». Книга стихов и очерков: Белгород, Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2003. – 176 с.